

13/12/05
(gen)
Леонардо да Винчи

18

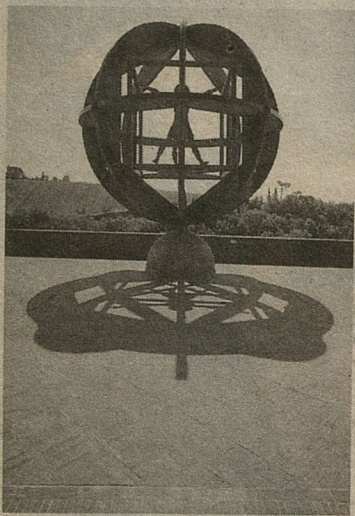
декабрь/05

история гения

Вечерний клуб

Бестия

Леонардо да Винчи

Не нужно проводить опросы, чтобы определить самого известного художника всех времен и народов. Вокруг одной его картины в Лувре толпится столько посетителей, сколько обычно приходит на стадионные рок-концерты. Любое упоминание его имени будоражит воображение — на этом ловко сыграл американский детективщик Дэн Браун, заработавший миллионы на бестселлере о тайнах художника. Если музей имеет его картину, этот музей тут же попадает в элиту арт-мира. Речь, как не сложно догадаться, о Леонардо да Винчи.

До сих пор ученые мужи разгадывают его наследие — в нем якобы скрыты глубинные знания, до которых нам еще расти и расти. Он обещает больше, чем дает, он непревзойденный мастер наводить тень на плетень — за одну только улыбку «Джоконды» ему нужно отдать все Оскары Голливуда. Применяя светотень в живописи, он покрыл тем же туманным мраком и свою биографию. Но если немного рассеять живописные туманности его жизни, многие вещи обретут контуры, а тайны сами собой улетучатся. И многие тайны окажутся совсем не тайнами, а просто уловками хитреца и гениального шулера. Впрочем, начнем по порядку и попробуем взглянуть на историю Леонардо его же холодным и испытующим взглядом...

Незаконный сын законника

Из записок Леонардо да Винчи: «Листья располагаются один над другими тремя способами. Первый, наиболее распространенный, — шестой лист, считая вверх, располагается над шестым, считая вниз. Второй, когда два третьих листа, считая вверх, располагаются над двумя третьими, считая вниз. И третий способ — когда третий лист, считая вверх рас-

полагается над третьим, считая вниз».

Стоит просто сорвать ветку и самому посчитать, где там друг под другом располагаются листья. И таким образом проверить точность наблюдений Леонардо да Винчи, которые он изложил в своих манускриптах. Он прямо-таки вывел «листовую теорему». Звучит эта теорема столь убедительно, что невольно поддаешься под ее гипноз: сколь же велик человек, познавший тайну листьев! Кому, впрочем, пригодятся эти тайны — это уже другой вопрос. Не беда, что леонардовские прототипы вертолетов никогда не смогут взлететь, а самоходные телеги (похожие на танки, скрепленные с велосипедом) при всем старании современных конструкторов невозможно заставить сдвинуться с места. Тут важнее дерзновение мысли, порыв гения, полет воображения. И среди хора восхищения редкий человек заметит: а может это попросту «от лукавого» — суета мысли, непрактичность и отсутствие элементарных навыков в механике, позерство и желание во что бы то ни стало выскочить на заранее утопичных идеях?

Столь же противоречивым, как и идеи мастера, было его происхождение. Незаконнорожденный сын нотариуса Пьеро из городка Винчи (законник согрешил то ли с прислугой, то ли с крестьянкой) — не лучшее начало для честолюбивого Лео. Происхождение било по самолюбию Леонардо наотмашь: от греха подальше вместе с матерью его отослали в деревню и возвратили лишь тогда, когда законная жена отца поняла, что бесплодна. В налоговом реестре Пьеро да Винчи в 1457 году было вписано имя «незаконного сына». Тогда Леонардо исполнилось пять лет. Здесь — с этой даты — и начинаются многочисленные попытки психологов объяснить мир будущего художника.

Неугомонный подмастерье

Первое качество характера будущего живописного пророка, которое подчеркивали все биографы, — неусидчивость и нежелание (или неумение) доводить начатые вещи до конца. Всякий, кто пишет о да Винчи, поворачивает этот факт в свою сторону. Одни восхваляли его многообразные интересы: техника, музыка (он, как считается, неплохо играл на лютне, сделанной им же самим из лошадиной головы), анатомия, биология, гидродинамика —

короче говоря, все науки, где хоть немного требовалось воображение. Другие (это, конечно, заказчики) сочиняли пасквили за невыполненные обещания и отказывались выплачивать гонорары. Именно из-за этой переменчивости интересов Леонардо менял покровителей и перебирался из одного места на другое, так и не обосновавшись в собственном доме.

Отец, Пьетро да Винчи, первоначально тешивший себя надеждой, что воспитает себе преемника по юридической линии, понял, что нотариуса из этого фантазера и психически неуравновешенного юноши (он, например, скупал на птичьем рынке клетки, чтобы потом освободить несчастных птичек) не выйдет. Оттого отдал его туда, где бурная энергия нашли практическое применение — в возрасте 15 лет Леонардо поступает во флорентийскую мастерскую скульптора и живописца Андреа дель Вероккио. Удивительно, что пробыв у Вероккио более пяти лет, он так и не стал скульптором, хотя, понятное дело, создавал немало скульптурных прожекторов. Его интересы вообще никак не сходились с тем «умеренным ренессансом», который процветал у наставника. Вероккио прославился своими скульптурными портретами, которые льстили заказчикам. Они были в меру новаторские и в меру китчевые. Леонардо искал крайностей и тратил много времени на вещи совершенно бесполезные. Назовем это по-другому — он искал.

Щит Медузы

Широко известна легенда, связанная с юношескими годами художника. Ее обычно рассказывают, чтобы подтвердить необыкновенное дарование Лео. Но стоит задуматься над ней посерьезней, чтобы

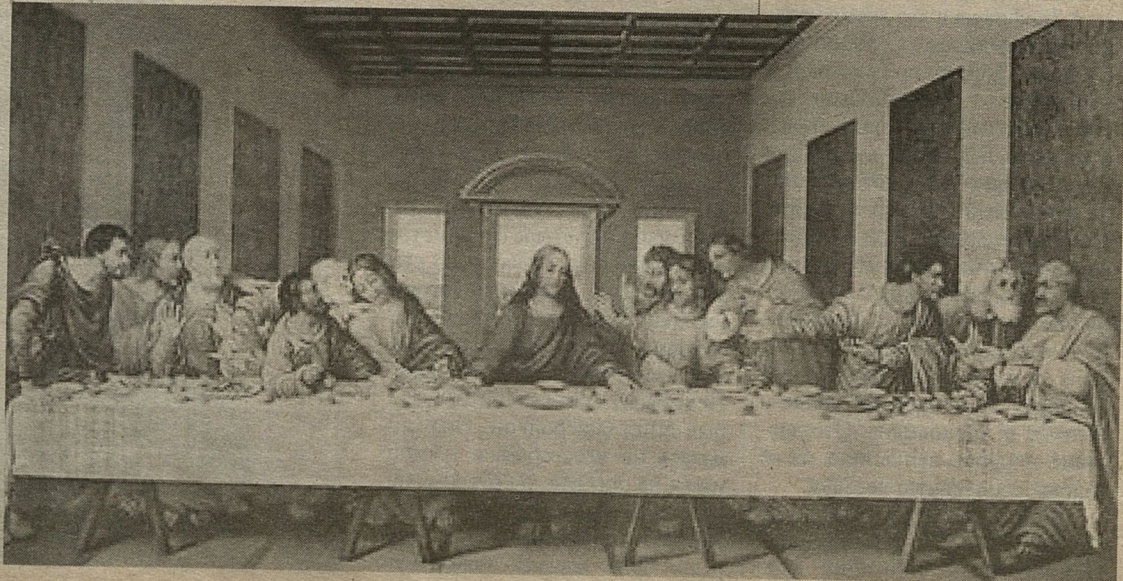
понять — у легенды есть второе дно. Суть в том, что отец да Винчи однажды решил дать сыну немного подзаработать и попросил его украсить каким-нибудь рисунком щит своего товарища. Как полагает Вазари, Леонардо решил изобразить Медузу, вселявшую ужас во всех, кто на нее смотрел. Для этой цели он «собрал в своей комнате, куда кроме него никто не входил, ящериц, пиявок, змей, бабочек, кузнечиков, летучих мышей и прочих подобных тварей, и создал, глядя на них, изображение ужасного чудовища, выползающего из глубины своей мрачной пещеры». Восторженный биограф даже упоминает такую пикантную деталь: «Леонардо был так поглощен работой, что не замечал зловония, которое источали мертвые твари». Отец, по легенде, был столь поражен изображением, что сделал подмену и отдал приятелю щит, купленный у другого художника, а сыновний продал подороже.

Во всей этой истории о рождении гения обычно упускали два момента. Во-первых, вопреки всяким представлениям о Возрождении как об эпохе

идеала и гармонии, главный художник Возрождения тяготеет ко всякого рода чудушам и темным тварям в духе Босха. Во-вторых, и в юности и в последующие годы Леонардо был, говоря современным языком, мастером перформанса — он любил интриговать, сбивать привычные ориентиры и превосходить ожидания зрителей. Его зритель всегда должен был быть удивленным и восхищенным.

Превзойти учителя, превзойти себя

Старый и избитый анекдот, который повторяют почти о каждом великом художнике: он был столь велик, что, еще будучи учеником, превзошел своего учителя. То же самое, конечно, случилось и с Леонардо, который, по версии Вазари, так написал ангела на картине Вероккио «Крещение Христа», что наставник навсегда отбросил кисть. Кстати, картина дошла до наших дней и хранится во Флоренции. Нельзя сказать, что в образе леонардовского ангела просматривается что-то особенно гениальное. Зато в нем точно

угадываются все будущие типажы его портретов — некие существа без пола и без четкой физиономии. Эдакие гермафродиты, в который видели и высшее выражение святости, и глумление над основами христианской морали — стереть всякое различие между женщиной и мужчиной.

Сексуальная стертость всех персонажей да Винчи, особенно его женских образов, в которых нет типично женского обаяния, воспетого Петраркой или Боккаччо, дали повод разным пересудам насчет сексуальности самого художника. Масло в огонь подливали и вполне современники: однажды во Флоренции над двадцатичетырехлетним художником и еще двумя товарищами было возбуждено следствие по анонимному обвинению в соращении семнадцатилетнего Джакопо Сантарелли, служившего в мастерской моделью. Но дело закрыли за неимением свидетелей. Да и сам Леонардо неоднократно упоминает своего Салаино, с которым у него складывались довольно странные отношения: Салаино периодически что-нибудь крал у мастера, был упрямым лгуном. Но да Винчи постоянно держал его при себе, снабжая всем необходимым.

Впрочем, куда как существование гомосексуализма для понимания натуры Леонардо его любовь не к себе подобным, а самому себе: все отмечают его красоту и грацию, какovou ее обладатель явно гордился. Он пристально вглядывается в свои черты — его искусство дает необыкновенный материал для исследования нарциссизма, самолюбования. Так что если и был какой-то человек, к которому да Винчи испытывал самые высокие чувства, — это был художник Леонардо.

Служить бы рад, но тошно

Флоренция во времена юности Леонардо была центром искусств. Здесь сходились пути всех самых известных художников. Однако 30-летний да Винчи ищет счастье на стороне. Причины этого до сих пор разгадывают: может, в очередной раз с кем-то поссорился (вспомним злополучную историю про мужеложество), может, понял, что Флоренция и так переполнена артистами и ему не стать первым. Так или иначе, он пишет письмо миланскому герцогу Лодовико Сфорца, в котором подробно перечисляет свои таланты. Почти все последующие читатели письма удивлялись, почему Леонардо превозносит себя как инженера и скульптора и походя говорит о своих живописных способностях. Ответ прост: герцогу нужен был военный инженер. Столица Севера Италии вела бесконечные войны с близкими и дальними соседями, и дельный конструктор вполне бы пригодился.

В 1482-м он прибывает в Милан вместе со своей причудливой лютней, сделанной

из черепа лошади, и почти на два столетия становится главным аттракционом этого города. Бесконечные чертежи фантастических машин и пушек вряд лигодились Мору. Герцог рано понял, что практического смысла от них никакого. Зато Леонардо стал незаменимым масовиком-затейником. Он устраивал в замке герцога эффектные празднества. Еще одним праздничным аттракционом оказалась огромная статуя коня, поставленная во дворе, но так и не законченная в бронзе (позднее ее разбили вошедшие в Милан французы). Притом что да Винчи засыпал своего хозяина идеями — например, построить новый город с канализацией, чтобы избежать постоянных вспышек чумы, — он так и оставался в позиции придворного шута. Его считали остроумным шутником. Единственный, понастоящему серьезный заказ он получил от доминиканского монастыря Санта Мария делье Грация — изобразить в трапезной «Тайную Вечерю». Он взялся за фреску в 1495 году и завершил ее через четыре года, что даже для того неторопливого времени было невероятной просрочкой.

Здесь Леонардо вновь подвело желание превзойти остальных и поразить заказчика. Кроме того что он невероятно увеличил фигура Христа и апостолов, сидящих за последней трапезой, он еще применил новые краски для большей жизненности изображений. Фреска стала разрушаться, будучи едва законченной. Теперь музейные сотрудники монастыря показывают фактически осыпавшуюся живопись. С этой же фреской связан один примечательный анекдот: якобы приор монастыря постоянно жаловался герцогу на медлительность художника. В конце концов, да Винчи пообещал закончить фреску в очень скором времени. Единственное, что его сдерживало, как он объяснил, — он не мог найти подходящего человека, чтобы изобразить Иуду Предателя. Но теперь он готов написать в качестве Иуды самого приора. Приор немедленно оставил претензии, а сама история, как пишут биографы, в очередной раз насмешила Лодовико Мору. Вновь помогло шутовство.

Улыбаемся, вас пишут

После того как Милан в своих интригах и войнах потерпел поражения от французского короля, Леонардо вновь возвращается во Флоренцию, где ему покровительствует политик и философ Макиавелли. Однако в некогда родном городе ему предстоит столкнуться с врагом посильнее, чем монастырский глава. Судьба сталкивает да Винчи с другим гением Возрождения — он должен соревноваться с самим Микеланджело за право оформить зал городского совета. Конкурс так и не выявил победителя, заказ не достался никому. Но, видимо, он сильно подстегнул

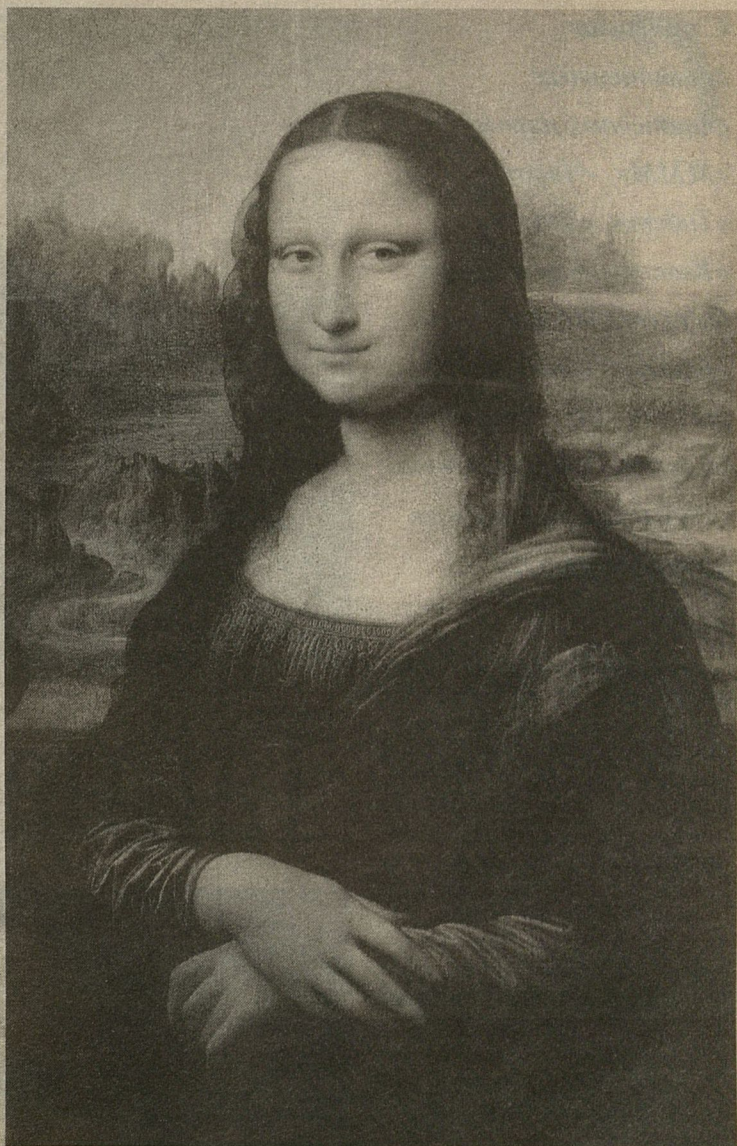
самолюбие Леонардо-живописца. Оттого он стал все чаще браться за портретные заказы. Один из них стал больше, чем заказ флорентийского нувориса. Около 1503 года художник стал писать жену купца по имени Франческо ди Бартоломео деле Джокондо. Из под его пера вышла знаменитая «Мона Лиза».

В XX веке луврская «Джоконда» превратилась в живописную икону. Каких только смыслов в ней не открывали! Ангел-демон, женщина-вамп, сверхчеловек на фоне космического пейзажа. Одна улыбка дорогого стоила. Кстати, улыбку Джоконды подмечали куда как менее ученые современники. Правда, они ее не разгадывали. Вазари, биограф XVI века, нашел довольно простое объяснение: во время сеансов, чтобы мадам Джоконда не скучала, Леонардо звал музыкантов и разных актеров для ее развлечения. Так он придумал не просто портрет, но первый фотокадр, где человек словно схвачен при переходе от серьезности и парадности к смеху. Возможно, уже к концу сеансов и сам художник почувствовал, что создал нечто особенное и попросту не отдал заказчику картину.

Смерть в объятьях короля

Да Винчи притягивал к себе людей, мягко сказать, эксцентричных. Известно, что в свой второй приезд во Флоренцию он жил у молодого скульптора Рустичи, в доме которого гостей поражали две вещи. Во-первых, дикобраз, коловший всем сидящим за столом ноги. Во-вторых, на стол подавались кушанья, по виду напоминавшие рассеченные части трупа. После 1508 года Леонардо вдруг оказался на обочине художественной жизни. Эта жизнь перемещалась в Рим, где работали лучшие художники. Лишь однажды папа Лев X дал Леонардо небольшой заказ, но после того как да Винчи начал изобретать для еще не начатых картин специальный лак, папа воздел руки к нему и выкрикнул очень точные слова: «Этот человек никогда ничего не закончит! Он думает о конце прежде, чем начнет!». Скорее всего в Риме у Леонардо случился сердечный приступ, и была парализована рука. Тогда же он, как полагают, сделал сангиной (красным мелком) свой единственный автопортрет: на нем изображен старец с длинными волосами. В то время да Винчи по сегодняшним меркам был не так уж стар — шестьдесят два года.

Свое последнее пристанище Леонардо да Винчи нашел у французского короля Франциска I, у которого была большая тяга к причудливому искусству. Король отвел ему апартаменты в усадьбе Клу недалеко от его замка в Амбуазе (к юго-западу от Парижа на реке Луаре). Единственной обязанностью некогда великого художника было развлечение монарха беседами. У Вазари есть трогательная история, как во

время последнего сердечного приступа Франциск нежно поддерживал голову Леонардо. Так, на руках короля, 2 мая 1519 года да Винчи испустил дух, предварительно покаявшись в грехах и приняв святое причастие. У столь благостной истории есть только одна нестыковка: король был в то время в другой своей резиденции. Но ближайшим потомкам очень хотелось воздать Леонардо королевские почести и отвести от него обвинения в богохульстве (вполне обоснованные, если вспомнить его последнюю картину — «Иоанна Крестителя»).

Иван АКРИДОВ

